

To cite text:

Nikiforov, Oleg (2022), "Что сдерживает высказывание об актуальном событии... (на I.-II.-III.)", *Philosophy and Society* 33 (4): 749–764.

Олег Никифоров

ЧТО СДЕРЖИВАЕТ ВЫСКАЗЫВАНИЕ ОБ АКТУАЛЬНОМ СОБЫТИИ... (НА I.-II.-III.)

АННОТАЦИЯ

Текст тематизирует сложность ситуации осуществления высказывания относительно актуально развивающегося события, субверсивно меняющего как понятийную сетку высказывающегося, так и его экзистенциально-исторический контекст. Актуально развертывающееся субверсивное "событие" (= "пост-модерная" "война") вызывает к своему осмыслению субъектом и к "четкому" (Да vs. Нет) формулированию субъектной позиции по отношению к происходящему, однако эксплозивно меняющийся исторический, понятийный и экзистенциальный контекст сдерживает "ответственное" высказывание субъекта о происходящем до момента субъективного изобретения своего нового экзистенциально-исторического контекста.

KEYWORDS

сдержанное высказывание, воздержание от суждения, сложный контекст, короткий XX век, конец Истории, не-кончающаяся война, событийная переинтерпретация, "Последние дни человечества" Карла Крауса

I. ПРЕАМБУЛА (квазиформальная): Ахиллес и черепахи

Вопрос о *Твоей* позиции к актуальным "всеохватывающим" событиям (к "войне" как медиуму "многоточечно-поточной", *инициативно-генеративной*, реорганизации мира – а не "точечной", *случающейся-локально*, "автокатастрофе" или "дорожному происшествию") висит в воздухе над многими/всеми, НО – как эту "*свою*" позицию "*честно*" (оставаясь верным "своему") или хотя бы "*истинно*" (оставаясь верным "фактам" или "'логике' фактов") сформулировать, если:

(I.0) Любое притязание на *истинность* высказывание (в мире, где "то, что имеет место, что является фактом, – это существование атомарных фактов [осуществленные положения вещей/обстоятельства дел]"¹); и по-

1 Витгенштейн Л. Логико-философский трактат" (Tractatus Logico-Philosophicus. 1918/1921) – положение 2: "What is the case (a fact) is the existence of states of affairs"

скольку высказывающийся *желает высказываться ясно*²) сдерживается в своем исполнении *неясностью*, т.е. *недоосуществленностью*, существующих положений вещей, а следовательно неясностью и *самого мира как состоящего из недоосуществившихся положений вещей*. В конкурентном (=“игровом”) мире, где место истинного заступает *собственный интерес* (=ограниченность), непосредственно связанный с *желанием его осуществления* (= *самоутверждения высказывающегося*), не-сдержанность высказываний диктуется стратегическими и тактическими интересами конкурентной (более или менее надиндивидуальной, интересубъектной) *Большой игры* по пере-определению/утверждению “*нормальных*” рутин восприятия, суждения и действия.

(а) Когда мы (в наших способностях восприятия, суждения и действия) оказываемся затронутыми неким – варьирующим “недоосуществленные положения вещей” – *актуальным событием*, вовлекаемыми в его *взрывную длительность*, то наша “*нормальная*” рутин восприятия, суждения и действия оказывается нарушена: мы силится продолжать рутинно воспринимать и судить о том, что уже отложилось в прошлое в силу актуального *вторжения “взрывного” события* (“реального” или мнимого). Само же “многоточечно-поточное” событие мы, пусть на себе и чувствуя его субверсивное воздействие, еще ни видим, ни понимаем, ни взаимодействуем с ним – покуда нам не удастся *устоять-ся* в потоке, *модифицировав* свои былые *перцептивные, рефлексивные и прагматологические рутин* (наше “нормальное”) применительно к значимо/радикально изменившимся обстоятельствам. – На вторжение в поле “нормального” любого “нового” мы отвечаем либо “рутинно”, либо сменой рутин – т.е. “новорутинно”

(б) Относительно *вторжения “взрывного” события* следует распознать момент того, является ли его событийность (i) *аутопойэтической* (т.е. активацией или развертыванием “внутреннего”); или же (ii) *вменяемой* извне, со стороны альтерирующей местную “нормальную рутину” (или же конкурирующей с ней) *экзогенной* “нормальной рутин”. Особой динамикой отличается (iii) *синэргийный* вариант, при котором *аутопойэтические изменения* местной “нормальной рутин”, спровоцированные *экзогенными* воздействиями, в свою очередь, вызывают изменения и в экзогенной “нормальной рутин”, реагирующей на аутопойэтическое развитие первой или же дополняющей себя ее элементами, вплоть до формирования синтетического новообразования [$i+ii=>iii$]. (Следует также учитывать возможность того, что *синэргийный* вариант развития (iii) не сможет сформировать свою устойчивую “нормальную рутину” самутверждения и (защитного) контр-влияния на внешнее (ii), противодействующее ему и его дискредитирующее как “ошибочно-преступное” или “трансгрессивно-дегенеративное” – “тупиковое”: [$i+ii=>iii$].)

(Тогда как “Proposition I” написанного на исходе I-й Мировой ‘Трактата’ повелевает: “The world is all that is the case”. [1. Die Welt ist alles, was der Fall ist]).

2 Ibid. “4.116. Everything that can be thought at all can be thought clearly. Everything that can be said can be said clearly”.

(в) Любые высказывание об актуальном “взрывном” событии – покуда не исполнилось само-утверждение высказывающегося через аутопойэтические изменения в местной “нормальной рутине” (i); или принятие (*договорное* или *катастрофическое*) экзогенной “нормальной рутины” (ii); или утверждение синтетического новообразования (iii) – обречено на *поспешность*, желание обезопасить себя от которой и сдерживает высказывание об актуальном событии в его *субверсивной длительности*. Этой “сдержанности” контрастирует обуславливаемая *императивом результативности* декларативная категоричность суждений, фабрицируемых экзогенным агентом (ii) для противодействия и дискредитации “нормальных рутин” местного (i) и синэргийного (iii) агентов.

В конечном счете: ведётся борьба (между агентами i, ii и, далее, iii (iii)) за монополию на суверенность той или иной “нормальной рутины” (восприятия, суждения и действия) и преимущественные права на ее производство, поддержание и распространение. Также эта борьба является борьбой того, что “есть” (ii), против того, что “было” (i) или “не/будет” (iii/iii) [...] И нежелающие в ней “активно” участвовать так или иначе будут в нее “пассивно” вовлечены. – Как “физические объекты”. Поскольку их “длительность” контекстно обусловлена (развертыванием “многоточечно-точной” событийности) и лишь “ограниченно/точечно суверенна”. – Но, возможно/мгновенно, сохраняют за собой “свое субъектное” (“ограниченно/точечно суверенное”) – реализовав *право на молчаливое не-участие* в безответственном многоговорении в пользу мнимых-другими “было”, “есть” и “будет”. Право на свое актуальное – исполняемое “здесь и сейчас” – *неподтверждение “Черепашой” превосходства “Ахиллеса”, ее свертывание* в “ограниченно суверенный” остаток, во всегда-остающийся след, *отстраняющее* поточно-исчерпывающую событийность Ахиллеса во (*всё-ещё*) “не-здесь” или “не-сейчас” *от этого-своего* “здесь и сейчас”. Покуда Ахилесс, настигнув-таки (?) Черепашу, не разобьет (?) ее панцирь заостренным краем своего щита... Тем самым это-ее “здесь и сейчас” и остановив-увековечив³ ?

II. После-WWI: бесконечное многоточие “Версаля”...

Когда же решился этот вопрос? И под Дриссой, и под Смоленском, и ощутительнее всего 24-го под Шевардиным, и 26-го под Бородиным, и в каждый день, и час, и минуту отступления от Бородина до Филей.

Лев Толстой “Война и мир” (т. III, ii)

³ С вводными ли словами из “Солдата” Брука (“If I should die, think only this of me:/ That there’s some corner of a foreign field/ That is for ever [...]” – “The Soldier” (1914) by Rupert Brooke), или с конечными из “Dulce et Decorum...” Оуэна (“[...]The old Lie: Dulce et decorum est/ Pro patria mori”. – “Dulce et Decorum est” (1917) by Wilfred Owen).

(II.0). Отгаликиваясь от совсем недавнего, применим к припеву “Версаля” (2022) напрашивающуюся конъектуру ^[пусть и сразу же отказываясь от нее, откладывая разбор ее уместности “на потом”]:

“Это ^[событие] война, котор^[ое] ая закончит все ^[события] войны Но действительно ли эт^[о] а ^[событие] война закончит все ^[события] войны? Может ли ^[событие] война действительно закончить все ^[события] войны? Вызовет ли эт^[о] а ^[событие] война друг^[ую] ^[событие] войну?” ⁴

Этот незамысловатый рефрен “Версаля” – последней песни на открывающейся композиции “Сараево” альбоме “The War To End All Wars” (2022) шведской хард-роковой группы “Сабатон”, специализирующейся на военно-историческом/героическом сторителлинге – словно резюмирует былые сомнения свидетелей “Версальского мира” (1919) в его эффективности и долговечности: “Кажется, что после ‘войны, чтобы покончить с войной’, в Париже они вполне преуспели в заключении ‘Мира, чтобы покончить с Миром’”⁵

“После-Войны” последовало “перемирие на 20 лет” (словами маршала Фоша⁶). И снова “горячая” война – Вторая мировая (1939-1945), а затем Холодная (1946-1991), прерванная роспуском Организации Варшавского договора (01.07.1991) и СССР (08.12.1991) и, без малого, десятилетием (до 11.09.2001) торжества псевдо-“Конца Истории” и “однополярного мира”... – *Поскольку Мир (Peace) – это лишь приостановленная война, так и не изжившая своего событийного потенциала в мире (world), стянутом и изъясненным исключениями.*

Всё это – известные факты, вехи “короткого”, но так и не завершеного XX века (Бадью 2005 [рус.пер.: 2016]). Который, наверное (?), принялся-таки завершаться с 24.02.2022 – когда реальностью стал “вооруженный конфликт между Россией и Украиной”, ранее казавшийся чем-то “немыслимым”, но – как “задача” (над которой, в частности, работал немецкий генштаб периодов как WWI, так и WWII) – оказавшийся, при последовавшей должной подготовке, вполне “исполнимой”.

Если для Германии, с ее *мощнейшим* (как на предвоенный 1914-й, так и на послевоенный 1919-й) *социал-демократическим потенциалом*, потребовалось каких-то 20 лет, чтобы слиться уже во Вторую Мировую войну, то между “распадом СССР” и еще недавно “немыслимым” моментом вооруженного противостояния “братских”, если не “близнечных”, Украины

4 “It’s the war that will end all wars / Will this war really end all wars? / Can a war really end all war? / Will this war bring another war?” – “Versailles” by Sabaton. The official lyric video for “Versailles” by Sabaton, from the album The War To End All Wars (Mar 4, 2022). –<https://www.youtube.com/watch?v=JzuLHyY4Ir8>

5 “After the ‘war to end war’, they seem to have been pretty successful in Paris at making the ‘Peace to end Peace’”, – слова Арчибальда Уэйвелла (на конец WWI – офицера генштаба; на конец WWII – фельдмаршала и генерал-губернатора Индии), произнесенные по поводу итогов Парижской Мирной конференции (Paris Peace Conference), цит. по: Pagden 2008: 407.

6 См. Henig 1995: 52.

и России прошло более 30 (внутри которых состоялись и [“братское”] поглощение Восточной Германии Западной, и “распад Югославии” [“братской” же] с последовавшей войной и чередой “спецопераций” НАТО, американо-натовское вторжение в Ирак, Афганистан, Ливию...).

– Все эти факты, “осуществленные обстоятельства дел”, ставшие (наряду с гео-био-политической катастрофой пандемии коронавируса (2020-2021) предпосылками реализации очередного “немыслимого”, так или иначе известны многим. Но далеко не всем (“нам”, черепахам) “интересно” сводить эти частности в цельную, сложностную картину актуального “мира в войне”. И озадачиваться вопросом о том, почему столь дружественное просвещенному разуму обетование “Вечного Мира” опять и опять осложняется постоянно ре-актуализирующимся интересом к войне у тех, кто принимает решения.⁷

(П.01). Эти слова, призванные описать *наше состояние войны*, его и ее схватывающие концепты: “немыслимое”, “сложностное”, “интересное” (от *inter-esse* => быть-между), “Вечный мир”, “ре-актуализирующаяся война” – сами двусмысленны и сложностны.⁸ Как двусмысленны и сложностны те реалии, с которыми мы через них пытаемся себя соотнести.

01а. Допустим: почему именно “немыслимое”? – насколько оно (некогда) является “немыслимым” лишь потому, что (временно!) остается “технически/логистически неисполнимым”? – или же нечто “немыслимо” как раз потому, что сам наш подход к этому желаемому или страшшему “нечто” завяз в старой, “отжившей свое” (“геоцентрической”) парадигме, ограничивающей (до поры!) само воображение-иного (“гелиоцентрику”) как-возможного/неизбежного?..

7 Ср. “Почему война?” А.Эйнштейна/З.Фрейда (1932). “Последний вопрос” Эйнштейна: “And so we come to our last question. Is it possible to control man’s mental evolution so as to make him proof against the psychoses of hate and destructiveness? Here I am thinking by no means only of the so-called uncultured masses. Experience proves that it is rather the so-called “Intelligentzia” that is most apt to yield to these disastrous collective suggestions, since the intellectual has no direct contact with life in the raw, but encounters it in its easiest, synthetic form upon the printed page”. – И итожащее заключение ответной реплики Фрейда: “Как долго придется ждать, чтобы все люди стали пацифистами? [...] возможно, не так уж фантастичны наши предположения о том, что эти два фактора — предрасположенность человека к культуре и вполне обоснованный страх перед будущим, заполоненным войнами, способны в обозримом будущем положить конец войне. [...] Не умаляя точности суждения, можно лишь сказать, что всё то, что в той или иной форме сделано для развития культуры, работает против войны”. – Примечательно, что один из авторских экземпляров парижского издания “Warum Krieg?” Фрейд в апреле 1933 г. подписывает и отправляет Бенито Муссолини (по соображениям Фрейдových биографов – в надежде (разделяемой вместе с ним и тогдашним “австро-фашистским” руководством), что Муссолини станет своего рода антиподом Гитлера и обеспечит защиту суверенитета Австрии).

8 “Двусмысленны и сложностны” – если, конечно, не выстраиваются доктринально, в регистре *wishful thinking*, как трактат “К вечному миру” (Kant, *Zum ewigen Frieden* (1795)).

– На юмористически-саркастическом уровне это обезоруживающее “*немыслимое*” сказывается в недавнем (апреля 2022) меме, в котором Гагарин с неизменной улыбкой (и телефонной трубкой в руке) обращается к потомкам: *Ну как вы там, потомки? Уже летаете на Марс? С украинцами воюете? А против кого?*

– На “исторически-возможном” уровне “*немыслимое*” – одна из его вариаций: “Операция НЕМЫСЛИМОЕ” (“Operation Unthinkable”) – было очерчено в двух планах действий (наступательных, а затем оборонительных) Британской империи и США против СССР, разработанных весной–летом 1945 года Объединённым штабом планирования военного кабинета Великобритании по заданию премьер-министра Уинстона Черчилля.⁹ В своих комментариях на представленный ему проект Черчилль отмечал (10.06.1945), что это план представляет собой “*предварительный набросок того, что, я надеюсь, всё ещё является чисто гипотетической вероятностью*” [заключение военного союза СССР и Японии против союзных сил США и Великобритании и наступление на Западную Европу, предположительно, 1 июля 1945 года (в канун британских парламентских выборов), что вылилось бы в “длительную и дорогостоящую тотальную войну”¹⁰].

Об. В чем, собственно, здесь “*сложность*” (помимо того, что “мировые войны” (XX века) – это огромные массивы данных, *big data*, в их ключевых моментах либо зашифрованные и засекреченные, либо уже утраченные или так никогда и не собранные)? – “Сложность” здесь в том, что в своих ключевых моментах эти “мировые войны XX-го” до сих пор (на 2022 г.) так и не стали “данными”, не были “сданы в архив”, никогда так и не закончились – были лишь “отложены” (как шахматная партия, как и еще-один-слой “смысловой седиментации”, позднее проявляющийся не как нечто “несовершенное”, но как нечто предпосылочное для грядущего свершения). В их “итогах” как WWI (от выстрелов в Сараево до подписей в Версале), так и ее “война-продолжение”: WWII – *продолжают переинтерпретироваться* и сегодня.

Или *просто продолжаются* (поскольку, в частности, мирный договор между Японией и СССР/Россией так и остается незаключенным). Или “*ре-актуализуются*” (в частности, в “военном конфликте на Украине”, словно варьирующем планы “Operation Unthinkable” с “некоторым уточнением переменных”: место Польши и Японии (в “гипотетическом”

⁹ Существование таких планов Правительство Великобритании категорически отрицало вплоть до их “сдачи в архив” в 1998 г.: “Contingency planning against possible Russian aggression: Operation UNTHINKABLE [papers 22 May-11 July 1945]; preliminary Anglo-US staff talks on Russian threat in Europe [papers 30 August 1946 – 3 February 1947]”. Каталогная ссылка – <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/record?catid=303181&catln=6>

¹⁰ Доклад Штаба объединенного планирования “Операции Немыслимое” (Окончательный (вариант) 22 мая 1945г.). Цит. по: <http://www.coldwar.ru/bases/operation-unthinkable.php> {Сосканированный план операции “Немыслимое” – на сайте history.neu.edu – “Operation Unthinkable: ‘Russia: Threat to Western Civilization.’”}.

наброске 1945 года) в 2022 г занимают Украина (реально) и Китай (“вероятно”). – “Собственно-сложность” в том, что “интересы” стейкхолдеров тех “мировых войн XX-го” НАСЛЕДУЮТСЯ стейкхолдерами “гибридных” (сочетающих современные техники ведения боевых действий с пост/мета-модерными средствами пропаганды и симуляции) войн XXI-го. И *эти-стейкхолдеры* (?) пост/мета-модерной актуальности НЕЗАИНТЕРЕСОВАНЫ в каком-то “Вечном мире”, НЕСПОСОБНЫ к интересу к “Вечному миру”, несмотря на заученные ими формулы проявления горячего интереса и обеспокоенности.

Ведь “эти-стейкхолдеры” – те-ещё “черепахи”.

А кто – нет?..

III. Сквозь WWI и дальше: Карл Краус, “марсиане” и искусство (отложенного) высказывания

Мои читатели считают, что я пишу *про сегодня* (für den Tag), тогда как я пишу *из сегодня* (aus dem Tag). Так что мне приходится ждать, куда мои вещи не устареют. Тогда-то они, возможно, и окажутся актуальными.

Проговаривать то, *что есть* (was ist) – дело не большого героизма (ein niedriger Heroismus). Дело ведь не в том, [чтобы высказать] *что есть*, а *что возможно*. Проговаривать то, *что возможно!*

(Karl Kraus 1986)

(III.1). Если говорить о “верности событию” (событию “старая Европа”, обреченная Войной и революциями XX-го на деонтологизацию) Карла Крауса – это была его верность неумолимо рассыпавшейся на его глазах имперской/консервативной утопии венско-немецкого *языкового уклада*, “журналистское” разрушение которого он годами отслеживал на страницах “либеральных” периодических изданий и, особенно, в разговорах “почтенной публики на углу у Зирка”¹¹, противодействуя происходящему разрушению своими критико-сатирическими публикациями в редактируемом им самим журнале “Факел” (1899-1936)¹² и, собственно, в сводной культурно-сатирической хронике той войны представшей в

11 “Угол у Зирка” (die Sirkecke – угол венского центрального Кольца и Кернтнерштрассе) на протяжении поколений (“конца века”) был излюбленным местом встречи всех имевших “имя, звание или капитал”. Место “*космической значимости*” для драмы “Последние дни человечества” Крауса, каждый Акт которой начинается “на углу у Зирка”.

12 Среди немногих приглашаемых авторов которого были друзья (Франк Видекинд, Адольф Лоос, Эрх Мюзам, Эгон Фридель) и “друзья друзей” Эльза Ласкер-Шюлер (но и Хьюстон Стюарт Чэмберлен – пусть и совсем коротко, в 1902–1903 гг.). Внимательным читателем “Факела” был Вальтер Беньямин; “продолжателем его дела” считал себя Людвиг Витгенштейн...

форме 793-страничной драмы “Последние дни человечества” (1915-1919 (“ПДЧ”)), в 5 Актах которой он в “анти-журналистском”¹³ стиле представляет “гражданскую изнанку” событий 4,5 лет I-й Мировой: то, как они воспринимались и переживались (и разнообразно пере-присваивались и “перевирались”) в тылу, “людьми на улицах, в штабах и дворцах”¹⁴.

В конечную, “книжную” версию (1922) этой эпохальной драмы вошло 220 сцен (разыгрывающиеся в 137 географически разбросанных местах), в которых задействованы 1114 персонажей. Как сам автор в “Прологе” формулирует “специфику не-постижимости” своего произведения:

Постановка этой драмы, чья длительность по земному времени составила бы около десяти вечеров, предназначена для марсианского театра. Театралы этого мира не сподобились бы такое вынести. Потому что это кровь от их крови, а содержание – это содержание тех нереальных, немислимых, непостижимых никакому здравому смыслу, недоступных никакому воспоминанию и сохранившихся лишь в кровавых снах лет, когда опереточные персонажи разыгрывали трагедию человечества.

И далее относительно “безгероичности” той “военной поры”, уничтожительно выхолащивавшей и язык, и саму жизнь¹⁵:

Действие драмы, проходящее через сотню сцен и адов, столь же невозможно, разорвано, безгероично, как и происходившее тогда. Юмор – это только самоупрек того, кто не сошёл с ума от мысли, что он должен, не теряя рассудка, свидетельствовать о событиях того времени. [...]

13 Можно сказать, в “*феноменологически-афористическом*” стиле: более 1/3 драмы составлено из цитат “газетных и журнальных публикаций, официальных приказов и распоряжений, подсмотренного и услышенного на венских улицах, кафе и светских мероприятиях”, мастерски вплетенного в их *авторскую* “хроникально-критическую” *пропись*.

14 Истинные зверства войны Краус видит в поведении тех людей, которые в силу своей преступно близорукой поверхностности не хотят и не могут воспринимать серьезность и ужас войны, а обогащаются вдали от опасности, заслоняясь от войны выхолащенными фразами: журналисты, военные спекулянты, высокопоставленные военные чины. Словами Альфреда Фрида, австрийского пацифиста, основателя журнала “Долой оружие!” (“Die Waffen nieder!” (1892–1899)) и лауреата Нобелевской премии Мира (1911): “Читая это произведение, кладешь руку на голову и смущенно говоришь себе: до сих пор мы видели не то, не так смотрели на войну. Он первый открыл страну войны, на дальние берега которой мы лишь изредка осмеливались заступать. Карл Краус учит нас видеть, и в его “Последних днях человечества” мы впервые видим войну со всех сторон”.

15 “Я написал трагедию, героем которой является гибнущее человечество. Поскольку в этой драме нет другого героя, кроме человечества, у нее нет и слушателя. Но как погибает мой трагический герой?.. Он сокрушается ложью. Фатальным для него оказывается состояние, в котором на него одновременно воздействуют эйфория и принуждение (Rausch und Zwang)”. (Рус. пер. наш по изд.: Kraus 1922: 685 [Сцена V.54])

Заклучает же 5 актов драмы экспрессионистский Эпилог (“Последняя ночь”), собирающий ряд ее наиболее типических персонажей в 20 сценах на поле “последней битвы” – во исчерпание которой утомившиеся от никчёмных безумств землян “марсиане” подвергают “неисправимую” планету всесожжению:

Мы, марсиане, не рады захватам
 Но коль нападаем, то не спускаем
 Во благо Вселенной и всех наших
 Восприняли мы методы ваши [...]
 Поймать в телескоп вас – большая доука
 Злобного карлика узрит только лупа
 Мы только погоду чуть вам подправим
 Но расширяться за ваш счет не станем [...]
 Довольно в космос пиццать
 Пора уже вечность на себя примерять
 Корысти покорны, томилась вы долго,
 Терпению верны, и мы ждали долго,
 Но чтоб на вашей всё жаждущей планете,
 Случилось-таки быть окончательной победе
 Вне сомнений и препирательств
 Засыпем ее бомбами без отлагательств!¹⁶

Таким – *приговором* старому миру и его *уничтожением из внешнего*, “марсианами” (поскольку “землянам”, завязнувшим в бесконечной игре отражений кривых зеркал, для собственного спасения не доставало ни разумных слов, ни разумных действий) – *оказалось возможно решение*, выносимое Краусом в завершение “мрачной оперетты” I-й Мировой войны.¹⁷

Всё главное (в происходящем в мире) *проявляется* (сдвигами и потрясениями) *в языке*. – Поэтому Краус – страж языка как воплощенного мира – и может ответить на вопрос приятеля-композитора “почему он так увлечен синтаксической правкой текста, когда всю идет война?” – “Да, я знаю, что всё бессмысленно, когда в доме полыхает пожар. Но куда это возможно, я должен это делать – ведь если бы люди, обязанные следить за тем, чтобы все запятые были правильно проставлены, справлялись бы со своим делом, то и пожара в Шанхае не случилось бы”.¹⁸ – Чтобы “опустошить империю”, сначала нужно *выхолостить ее язык* (способность

16 Там же, S. 790.

17 “Эпилог” к драме публикуется (первым в серии ее “поактного” издания) отдельным выпуском “Факела” в ноябре 1918 г., когда поражение Германии, а следовательно и ее союзницы Австро-Венгрии, в I-й Мировой уже стало фактом, закрепленным Компьенским перемирием (11 ноября 1918 года).

18 Цит. по: Krenek: 237. [Следует отметить, что первоначальным поводом для т.н. “Первого Шанхайского инцидента”, развязанных японцами 5-недельных боевых действиях в Шанхае в январе-марте 1932-го с около 20 тысячами потерь “среди военных” и около 20 тысяч потерь “среди гражданских”), послужила

само-восприятия и самовыговаривания, ее идентичность), в силу чего ее “духовная” жизнь будет оказываться всё более надстроечной и самореферентной – всё слабее соотносящейся с тем, что происходит “на земле” (в том числе и на заводах, и в лабораториях, и на полях битвы), а ее “материальные” элементы и механизмы будут работать вхолостую – саморазрушительно.

Ведь что разрушает “имперский язык”, язык некогда слаженно и органически функционирующей “замкнутой” миросистемы (наследующей XIX-му с ее еще “Вестфальскими” (1648) принципами)? – Ключевые для “открытого” XX-го “новинки” – это: *массы* и их *новые медиа* (не только *газетно-журнальные, радио-и-кино*, но и *глобализирующие наука-и-техника*, и всемирный *финансово-экономический рынок*), не располагающие к *личностной* рефлексивности¹⁹ и к *высокому* (“имперскому”) стилю самоорганизации общества, востребующие всё большей эффективности и мобильности, разрыванию которых “наследуемые” консервативно-утопические гармонии только мешают.

Потому полемически преследуемым (наблюдаемым, критикуемым и ниспровергаемым) (“негативным) событием” для Крауса выступала не некая, пусть и “мировая”, война, но именно неумолимо, повседневно происходившее *разрушение, перемалывание, проматывание и “реутилизация”* этого ценимого им (консервативного) венско-немецкого *языкового уклада* начала XX-го – воплощавшего для него уже-обреченный Мировой уклад.²⁰ Словами британского историка-марксиста Эрика Хобсбаума: “После того крушения [Австро-Венгрии, но и всего мира “Старой Европы”, активированного I-й Мировой] возможности возврата к прежнему уже не было. Предстояло лишь дальнейшее погружение в непредставимое апокалиптическое будущее”.²¹

“оскорбительная” по отношению к японскому императору публикация в полуофициальной гоминьданской газете “Миньго” (09/01/1932)].

19 Отсюда ключевые темы сатирических и критических публикаций одиночки-Крауса в “Факеле”: (либеральный) журнализм (“журнализм”), психоанализ как спекулятивно-паразитарные техники реутилизации суверенно-личностного в языке...

20 Ср. этот момент, проговариваемый Э. Хобсбаумом, тоже некогда–“венцем”, в его эссе-послесловии к авторской сценической версии “Дней...” (Kraus 1994): “Поскольку он атаковал Вену, по крайней мере, в лице читателей [либеральной газеты] “Новая Свободная пресса” не только как обитателей кайзерско-королевской империи, но как общую парадигму развития буржуазно-либерального технологически-капиталистического общества и его развитие, та война выступала “последними днями” не только Австрии, но и человечества”. (Цит. по изд.: Goltschnigg 2017: 515–516)

21 Там же. Напрашивающийся здесь (в связи с апокалиптичностью краусовского “анти-журнализма”) сравнительный экскурс в “Апокалипсис нашего времени” (1917–1918) Василия Розанова, русского “аналога” Крауса (с его резким приговором старорежимному бытованию и культуре: “*Россию убила литература*”). – дело отдельного разбора.

И следующий акт “сползания в бездну” (как для “Европы” вообще, так и для самого Крауса, в частности) не заставляет себя долго ждать – лишь какие-то полтора десятилетия...

(III.2). Между 1-й из серии публикаций “ПДЧ” (“Эпилога” к нему, изданного Краусом отдельным выпуском “Факела” в ноябре 1918-го) и следующей серией мировых катастроф, инициированных приходом к власти в Германии национал-социалистов (январь-ноябрь 1933-го), пройдет 15 лет, на исходе которых [в октябре 1933-го] случается знаменательный эпизод обмена поэтическими репликами между Краусом [чьё “содержательное” высказывание относительно нацистского переворота – его объемное (на 300 страниц) полемическое эссе “Третья Вальпургиева ночь” – было сверстано уже к сентябрю-октябрю 1933-го, но его публикация – отложена автором до более безопасных (“для читателя”) времен, частично состоявшихся в июле 1934-го, полностью же – в 1952 г.] и Брехтом [появление боевого манифеста которого относительно практического искусства писания-истины (“Fünf Schwierigkeiten beim Schreiben der Wahrheit” (1934) еще предстояло...]

КРАУС (октябрь 1933 г.):

Не спрашивай, что делал я всё это время. Я промолчу;

и не скажу я, почему. Явствует и тишина, когда трещит земля. Слова нет, что годно; говорится лишь из сна. Сновидится ж про солнце, что смеётся. Всё проходит стороною; Пройдёт потом и это. Слово отдаётся сну, как только пробуждается тот мир.²²

БРЕХТ (октябрь 1933 г.):

Когда был Третий Рейх учреждён Откликнулся красноречивый малым сообщеньем. Стихотворением в десяток строк Подал он голос, лишь пожаловаться чтобы На его нехватку. [...]

Когда красноречивый извинился за то, Что его голос ему отказывает Пред судейским столом встало молчание Сняло тряпку с лица и Предъявило себя как свидетеля.²³

22 Die Fackel Nr. 888, Oktober 1993. См. далее: Kraus 1934: 10.

Ср. также с профилем Крауса, прописанном Вальтером Беньямином в его эссе “Карл Краус” (опубликованном в еще “спокойном” марте 1931-го в “Frankfurter Zeitung”): “Триада “молчание – знание – присутствие духа” составляет фигуру Крауса-полемиста. Его молчание – это плотина, за которым простерлась зеркальная гладь над глубинами его знания. Присутствие духа не подлежит обсуждению — он никогда не соглашается следовать принципам, которые предлагает кто-то другой. Напротив, *важнее всего для него разобрать на составные элементы ситуацию, открыть истинный вопрос, заключенный в ней, и предложить его, вместо ответа, противнику*”. (Цит. по изд.: Беньямин 2004: 319 (Пер. с нем. – Г.Снежинская. Курсив – наш (О.Н.))

23 “Über die Bedeutung des zehnzeiligen Gedichtes in der 888. Nummer der FACKEL (Oktober 1933)” von Bert Brecht

Со звучащей как “упрек” констатацией Брехта: “Подал он голос, лишь пожаловаться чтобы/ На его нехватку” [*Erhob sich seine Stimme, einzig um zu klagen/ Daß sie nicht ausreiche*], – созвучны стоящие в начале “Третьей Вальпургиевой ночи” слова Крауса (написанные уже в мае 1933-го): “*Mir fällt zu Hitler nichts ein*” [= “Относительно Гитлера меня ничто не озаряет [= не приходит в голову никакой идеи, что с этим можно поделаться/ как этому возможно противодействовать...”]].²⁴

С первого предложения этого “полемического эссе” Краус, впервые после своих “Последних дней человечества”, вновь подхватывает тот “высокий тон”, что тогда вырастал из его возмущения уничтожением языкового уклада, сопутствовавшим *ис-ходу* I-й Мировой. Но теперь грозящие из 1933-го “последние дни” питаются уже не только былыми “глупостью, гордостью, жаждой наживы и размягчением мозга через (желтую) прессу”: сейчас (Краусу это становится всё более очевидно) на грядущую катастрофу работает планомерная воля к физическому человеческому уничтожению²⁵.

О работе Крауса над его “Вальпургиевой ночью” Брехт, находившийся с Краусом в доверительных отношениях²⁶, не мог не знать. Поэтому начальный “упрек” стихотворения и оборачивается в его конце в пользу “немного свидетельства”: “... молчание/ Сняло тряпку с лица и/ Предъявило себя как свидетеля” [*Trat das Schweigen vor den Richtertisch/ Nahm das Tuch vom Antlitz und/ Gab sich zu erkennen als Zeuge*].

А вскоре – в *жизни-прописи* самого Брехта – превращается в “инструкцию” (предназначенную для подпольного распространения в нацистской Германии) о том, как возможно/следует “писать-истину”, находясь в опасных для пишущего ситуациях (когда, цитируя ранний афоризм Крауса, „*Jetzt sprechen hat entweder zur Voraussetzung, daß man keinen Kopf hat, oder zur Folge*“ [“Высказывающийся сегодня либо уже не имеет головы, либо скоро ее лишится”]), обращенную всем способным воспринять ее содержание и получившую название “Пять трудностей, когда пишешь истину”:

“Тому, кто хочет сегодня бороться против лжи и невежества и писать истину, приходится преодолевать по крайней мере пять трудностей. Он должен обладать: *мужеством*, чтобы писать истину, хотя она повсюду подавляется; *толковостью* (Klugheit), чтобы ее распознать, хотя ее повсюду скрывают; *искусством* обращать ее в оружие; *способностью суждения* (das Urteil), чтобы выбирать тех, в чьих руках она станет действенной; *хитростью* (List), чтобы распространять ее среди них. Эти трудности велики для

24 Ср. комментарий к фрагменту Геральда Кригхофера в: “1. Mir fällt zu Hitler nichts ein | Dritte Walpurgisnacht – Karl Kraus dokumentiert das Jahr 1933” – <https://www.youtube.com/watch?v=qEsqWHqhfE0&list=PL2rFbWTpywZlyzGllAqXW2nYiyzgZIP&index=1> (проверено 17/07/2022)

25 См.: Fischer 2020 (гл. XXX : Hitler, Dollfuß, Dritte Walpurgisnacht).

26 По словам Канетти, Краус относился к Брехту “как если бы тот был его сыном [...] его *избранным* сыном” (Canetti 1983: 259).

пишущих при фашизме, но они также существуют и для преследуемых и изгнанных, и даже для тех, кто пишет в странах буржуазной свободы. [...]

И все эти пять трудностей мы должны разрешать одновременно, поскольку мы не можем исследовать истину о варварских условиях, без того чтобы мыслить о тех, кто страдает от этих условий; и когда мы, неустанно отстраняя любые приступы трусости, разыскиваем истинные взаимосвязи, имея в виду тех, кто готов использовать свои знания, также мы должны думать и о том, чтобы так передать им истину, чтобы она в их руках смогла стать оружием, причем проделать это настолько хитро, чтобы враг не сумел узнать об этой передаче и воспрепятствовать ей”.²⁷

(III.3). Краус умирает в 1936-м, Брехт – в 1956-м, “марсиане” до сих пор (до лета 2022-го) так и не прилетают, окончание XX-го (со всеми его I-ми и II-ми Мировыми, “холодными”, “прокси-”, “гибридными” и прочими войнами) и наступление очередного “Вечного мира” (между тем, что “было”, “есть”, “не/будет”) всё еще пока откладывается.

Ахиллес так и не догоняет черепаху...

Литература

- Бадью, Ален (2016), *Век*, Москва: Логос.
- Беньямин, Вальтер (2004), *Маски времени. Эссе о культуре и Литературе*, Санкт-Петербург: Симпозиум.
- Брехт, Бертольт (1965), “Пять трудностей пишущего правду” (пер. Н. Португалова), в: Бертольт Брехт, *Художник и общественная борьба (статьи, заметки, стихи)*, Москва.
- Витгенштейн, Людвиг (1994), “Логико-философский трактат”, в: Витгенштейн, Людвиг, *Философские произведения*, Москва: Гнозис.
- Доклад Штаба объединенного планирования “Операции Немыслимое” (Окончательный (вариант) 22 мая 1945г.), Цит. по: <http://www.coldwar.ru/bases/operation-unthinkable.php> {Сосканированный план операции “Немыслимое” – на сайте history.neu.edu – Operation Unthinkable; Russia: Threat to Western Civilization}.
- Кант, Иммануил (1795/1796) (1966), “К вечному миру”, в.: Кант, Иммануил, *Сочинения*, В 6 т. Т. 6, Москва: Мысль
- Эйнштейн, Альберт; Фрейд, Зигмунд, “Почему война?”, Цит. по [рус.пер.]: <https://spb-nv.com/info/articles/perepiska-eynshteyna-i-freyda/>.
- Badiou, Alain (2005), *Le Siècle*, Paris: Seuil.
- Benjamin, Walter (1977), „Karl Kraus (1931)“, in Benjamin, Walter, *Gesammelte Schriften*, II-1, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag: pp. 334–367.
- Brecht, Bertolt (1933), „Über die Bedeutung des zehnzeiligen Gedichtes“, *Fackel* 888 (Oktober 1933).

27 Первая, более краткая версия текста “Fünf Schwierigkeiten beim Schreiben der Wahrheit” появилась 12 декабря 1934 года в газете *Pariser Tageblatt*, а в полном объеме она был напечатан в журнале *Unsere Zeit*, 1935: 2–3. Ср. с рус. пер.: “Пять трудностей пишущего правду” (пер. Н. Португалова) в изд.: Брехт 1965. (Перевод выше – наш (O.H.))

- (1934), „Fünf Schwierigkeiten beim Schreiben der Wahrheit“, in *Unsere Zeit*, 1935: 2–3.
- Canetti, Elias (1983), *Die Fackel im Ohr*, Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag.
- “Contingency planning against possible Russian aggression: Operation UNTHINKABLE [papers 22 May – 11 July 1945]; preliminary Anglo-US staff talks on Russian threat in Europe [papers 30 August 1946 – 3 February 1947]”, Каталогная ссылка – <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/record?catid=303181&catln=6>
- Einsten, Albert; Freud, Sigmund (1933), „Briefwechsel“ [1932], in *Internationales Institution für geistige Zusammenarbeit (Voelkerbund)*, Paris. (Einsteins Brief, pp. 11–21; Freuds Brief, pp. 25–62).
- Fischer, Jens Malte (2020), *Karl Kraus. Der Widersprecher*, Wien: Paul Zsolnay Verlag.
- Goltschnigg, Dietmar (ed.) (2017), *Karl Kraus im Urteil literarischer und publizistischer Kritik. Texte und Kontexte, Analysen und Kommentare*, Band 2 (1945 – 2016), Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Henig, Ruth (1995), *Versailles and After, 1919–1933*, London: Routledge.
- Kant, Immanuel (1796), *Zum ewigen Frieden, Ein philosophischer Entwurf. Neue vermehrte Auflage*, Königsberg, bey Friedrich Nicolovius 1796 [zweite, erweiterte Auflage].
- Kraus, Karl (1922). *Die letzten Tage der Menschheit. Tragödie in fünf Akten mit Vorspiel und Epilog*, Wien, Leipzig: Die Fackel.
- (1933), *Die Fackel* Nr. 888, Oktober 1933.
- (1934), „Warum die Fackel nicht erscheint“, *Die Fackel* Nr. 890–905.
- (1986), „Aphorismen. Sprüche und Widersprüche“, in Karl Kraus, *Schriften (1986–1994)*, Bd. 8, Christian Wagenknecht (ed.), Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- (1994), *Die letzten Tage der Menschheit. Bühnenfassung des Autors*, Frankfurt am Main, Wien: Büchergilde Gutenberg.
- Krenek, Ernst (1958), *Zur Sprache gebracht*, München: Albert Langen – Georg Müller Verlag.
- Pagden, Anthony (2008), *Worlds at War: The 2,500-year Struggle between East and West*, Oxford: Oxford University Press.
- Wittgenstein, Ludwig (1922), *Tractatus Logico-Philosophicus*, London: Kegan Paul, Trench, Trubner & CO.; New York: Harcourt, Brace & Company.

References

- Badiou, Alain (2005), *Le Siècle*, Paris: Seuil.
- Bad'yu, Alen (2016), *Vek*, Moskva: Logos.
- Benjamin, Walter. „Karl Kraus (1931)“, in Benjamin, Walter, *Gesammelte Schriften*, II-1. F/M 1977: 334–367.
- Ben'jamin, Val'ter (2004), *Maski vremeni. Esse o kul'ture I literature*. Saint Petersburg.
- Brecht, Bertolt (1933), “Über die Bedeutung des zehnzeiligen Gedichtes”, *Fackel* 888 (Oktober 1933).
- (1934), “Fünf Schwierigkeiten beim Schreiben der Wahrheit”, in *Unsere Zeit*, 1935, pp. 2-3.
- Canetti, Elias (1983), *Die Fackel im Ohr*, Frankfurt am Main.

- “Contingency planning against possible Russian aggression: Operation UNTHINKABLE [papers 22 May – 11 July 1945]; preliminary Anglo-US staff talks on Russian threat in Europe [papers 30 August 1946 – 3 February 1947]”. Каталогная ссылка – <https://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/record?catid=303181&catln=6>
- Doklad Shtaba ob'edinennogo planirovaniya “Operacii Nemyslinoe” (Okonchatel'nyj (variant) 22 maya 1945g.). Cit. po: <http://www.coldwar.ru/bases/operation-unthinkable.php> {Soskanirovannyj plan operacii “Nemyslinoe” – na sajte history.neu.edu – “Operation Unthinkable: ‘Russia: Threat to Western Civilization’”}.
- Einsten, Albert/Freud, Sigmund (1933), “Briefwechsel” [1932], in *Internationales Institut für geistiges Zusammenarbeiten (Voelkerbund)*, Paris. (Einsteins Brief, pp.11-21; Freuds Brief, pp. 25–62).
- Ejnshtejn, Al'bert; Frejd, Zigmund. “Pochemu vojna?”, Cit. po [rus.per.]: <https://spb-nv.com/info/articles/perepiska-eynshteyna-i-freyda/>.
- Fischer, Jens Malte (2020), *Karl Kraus. Der Widersprecher*, Wien: Paul Zsolnay Verlag.
- Goltschnigg, Dietmar (ed.) (2017), *Karl Kraus im Urteil literarischer und publizistischer Kritik. Texte und Kontexte, Analysen und Kommentare*, Band 2 (1945 – 2016) Berlin: Erich Schmidt Verlag.
- Henig, Ruth (1995), *Versailles and After, 1919–1933*, London: Routledge.
- Kant, Immanuel (1796), *Zum ewigen Frieden. Ein philosophischer Entwurf. Neue vermehrte Auflage*, Königsberg, bey Friedrich Nicolovius 1796 [zweite, erweiterte Auflage].
- Kant, Immanuel (1795/1796), “K vechnomu miru”, v.: Kant, Immanuel. *Sochineniya*, V 6 t. T. 6, Moskva, 1966.
- Kraus, Karl (1922), *Die letzten Tage der Menschheit. Tragödie in fünf Akten mit Vorspiel und Epilog*, Wien, Leipzig: Die Fackel (3. Aufl. 1926).
- (1933), *Die Fackel* Nr. 888, Oktober.
- (1934), „Warum die Fackel nicht erscheint“, *Die Fackel* 890-905.
- (1986), “Aphorismen. Sprüche und Widersprüche”, *Schriften (1986–1994)*, Bd. 8, Christian Wagenknecht (ed.), Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- (1994), *Die letzten Tage der Menschheit*, Bühnenfassung des Autors, Eckart Früh (ed.), Frankfurt am Main, Wien: Büchergilde Gutenberg.
- Krenek, Ernst (1958), *Zur Sprache gebracht*, München: Albert Langen – Georg Müller Verlag.
- Pagden, Anthony (2008), *Worlds at War: The 2,500-year Struggle between East and West*, Oxford: Oxford University Press.
- Vitgenshtejn, Lyudvig (1994), “Logiko-filosofskij traktat”, v: Vitgenshtejn, Lyudvig. *Filosofskie proizvedeniya*, Moskva.
- Wittgenstein, Ludwig (1922), *Tractatus Logico-Philosophicus*, London: Kegan Paul, Trench, Trubner & CO., New York: Harcourt, Brace & Company.

Oleg Nikiforov

What Prevents Our Utterance on Current Events... (in One, Two, Three Steps)

Abstract

The text thematizes the complexity of the situation of making a statement concerning an currently developing event, which subversively changes both the conceptual grid of the speaker and his existential-historical context. The currently unfolding subversive "event" (i.e., "post-modern" "war") calls for its comprehension by the subject and for a "clear" (yes/no) formulation of the subject position in relation to the event. However, the explosively changing historical, conceptual and existential context holds back the subject's "responsible" statement about the event until the subjective invention of his new existential-historical context.

Keywords: prevented utterance, abstention from judgment, complex context, short twentieth century, end of History, non-ending war, eventful reinterpretation, KarlKraus, "The Last Days of Mankind"

Oleg Nikiforov

Šta sprečava iskazivanje o aktuelnom događaju... (na I-II-III)

Apstrakt

Tekst tematizuje složenost situacije ostvarivanja iskaza o aktuelnom razvoju događaja, koji subverzivno menja kako pojmovnu mrežu onoga ko daje iskaz, tako i njegov egzistencijalno-istorijski kontekst. Subverzivni „događaj“ (= „post-moderni“ „rat“) koji se aktuelno odvija, poziva na osmišljavanje i „jasno“ (Da vs. Ne) formulisanje subjektivnog stava u odnosu prema onome što se dešava, međutim, eksplozivne promene istorijskog, pojmovnog i egzistencijalnog konteksta sprečavaju „odgovorno“ iskazivanje subjekta o dešavanjima do trenutka subjektivnog iznalaženja svog novog egzistencijalno-istorijskog konteksta.

Ključne reči: suzdržano iskazivanje, uzdržavanje od prosuđivanja, složen kontekst, kratak XX vek, kraj Istorije, ne-završeni rat, događajna preinterpretacija, „Poslednji dani čovečanstva“ Karla Krausa